

УДК 94(44)029

Географическая среда, *nature de peuple* и государственность в политической теории Ж. Бодена

И. Я. Эльфонд

Эльфонд Ирина Яковлевна, доктор исторических наук, профессор кафедры дизайна архитектурной среды, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., iyelfond@mail.ru

В статье рассматривается один из важнейших аспектов политической теории Ж. Бодена – вопрос о влиянии окружающей среды на особенности развития народов и характер государственности. Данная проблема анализируется в контексте с общими тенденциями развития политической мысли эпохи и полемикой, завязавшейся вокруг проблемы этнической самоидентификации. Подчеркивается практическая направленность взглядов Бодена. **Ключевые слова:** природа народов, окружающая среда, национальный характер, этнос, государство.

Geographical Environment, Nature of People and Nation-building in Bodin's Political Theory

I. Ya. Elfond

Irina Ya. Elfond, <https://orcid.org/0000-0002-8665-5926>, Yury Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politehnicheskaja St., Saratov 410054, Russia, iyelfond@mail.ru

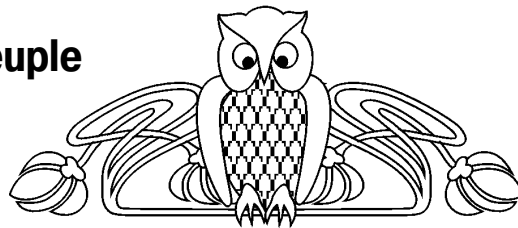
The paper deals with one of the important aspects of the Bodin's political theory, the question of the environmental influence on the peculiarities of the development of peoples and the nature of nation-building. The author analyzes this problem in the context of general trends in the development of political thought of the epoch and the dispute about the problem of ethnic identity, emphasizing the practical orientation of Bodin's views.

Keywords: nature of the peoples, surrounding environment, national character, ethnos, state.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-480-486>

Интерес к влиянию на жизнь человека и общества окружающего мира и, прежде всего географической среды, человечество проявляло еще со времен древности, следствием чего было появление многочисленных сочинений, посвященных по преимуществу животным или описанию географической среды, известной тогда ойкумены. Эта традиция в известной мере сохранялась и в Средние века, о чем свидетельствуют многочисленные bestiarii. Однако характер, тем более особенности *modus vivendi* отдельных народов традиционно связывались, скорее, с божественным провидением, волей правителей или каких-либо непознаваемых причин развития.

Пожалуй, вопрос о связи природы народов с географической средой или даже особенностями рельефа территории был впервые поставлен в

сочинениях великого мыслителя Ж. Бодена, но и его подходы и выводы претерпевали эволюцию. Боден выдвинул не только новое видение роли климата для условий человеческого бытия¹, но и тезис о неизбежной связи географического фактора с особенностями развития народов. Понимание указанного фактора органически связано с его климатической теорией. Ученый заговорил о природе народов еще в сочинении, посвященном методологии истории и по сути вся гл. 5 его «Метода» посвящена этой теме. Боден с гордостью утверждал, что он обратился к указанной проблеме первым, отмечая свой научный приоритет в этой области: «О таком ничего не могло быть написано древними, так как они совершенно не знали областей и мест, которые были открыты не так уж давно, но каждый догадывался насколько мог, исходя из вероятности»².

Данное обращение было вызвано задачами осмысления прошлого и настоящего, в число которых теоретик включал определение природы всех народов, а решение этой проблемы влекло за собой правильное понимание логики развития народов и трансформации в установлении институциональных учреждений, законов и религии, словом, общественного бытия. Макиавелли упоминал о природе людей и о том, что «отдельные народы на протяжении длительного времени сохраняют одни и те же нравы»³, но Боден пошел гораздо дальше, так как настаивал на прочной связи природы народов и их исторического развития⁴ с географической средой.

Сам факт обращения к природе народов давал ему основу для осмысления общих закономерностей эволюции человечества и специфики развития отдельных народов. В «Метод легкого чтения истории» он, собственно, и выдвигает понятие «природа народов». Примечательно, что в нем гуманист связывает его только с образом жизни, существованием народов, их нравственными чертами, но не с характером политической организации.

Природа народов в представлении Бодена определялась несколькими факторами: прежде всего, это – географическое расположение территории, на которой народ проживает; при этом различия он проводит не только между теми, кто проживает на Севере и Юге, но и между восточными и западными народами. Вторым фактором является различие климатических зон. Мыслитель связывает природу народов с разнообразием местностей. По его убеждению, она определяется

наличием гор, моря, болот и даже силы и направления ветров. Показательно, что он отвергает античное представление о влиянии знаков Зодиака на нравы народов. Боден принял традиционное, идущее со времени древности представление, что среда обитания определяет внешний облик людей (рост, вес, цвет волос, глаз и кожи), но идет дальше, выявляя не только нравы народов, но и их национальные особенности. Не будем детально излагать географические представления Бодена. Отметим, что он ссылается на опыт современных ему морских путешествий (Великих географических открытий) и делит земной шар на несколько областей (по градусам). При этом ученый полагает, что различия между народами определяются на пространстве в 15 градусов. Особое внимание он уделяет народам, проживающим в умеренной, «срединной области». Причина ясна: в этой зоне находится большая часть Европы, а также «территории Малой Азии, Армении, Парфии, Согдианы и большая часть Азии». С одной стороны, автор как историк считал, что необходимы подтверждения его выкладкам, а именно наличие документальных свидетельств, с другой – это тот мир, в котором существует сам Боден и его народ. Согласно его взглядам среда определяет нравы и природу народов, вплоть до психологических черт, доминирующих у отдельных племен. Неслучайно он говорит о германцах, что «в громадных телах таится крайне мало хитрости и коварства»⁵; в принципе моральный облик большинства этносов рисуется им, скорее, как негативный, так что «северяне считаются невоздержанными, подозрительными, коварными и жестокими», южане («карфагеняне») отличались невероятной жестокостью к врагам. Южанам также присуща и чрезмерная тяга к наслаждениям, они «склонны к величайшим порокам тела и души». Боден заостряет высказывание Макиавелли, что «немцам и французам присущи жадность, высокомерие, жестокость и вероломство» (как и флорентийцам)⁶ и эта кардинализация мысли свидетельствует о том, что он не мог игнорировать поток политической публицистики, где эти мысли (высказанные более резко) присутствовали постоянно.

Следует отметить, что Боден все же выступает против сформировавшегося в политической публицистике эпохи концепта «чужого», хотя антиитальянизм и антииспаннизм широко распространились в политической литературе эпохи религиозных войн. В целом представления о национальной идентичности эпохи основаны именно на резком неприятии всего, что было связано с «чужим». Иначе не появились бы «Анти-Макиавелли», «Против Италогаллии», «Франко-Турция», а затем и «Анти-Испанец», идеи которых широко распространялись другими публицистами. Боден высказал поразительную по глубине мысль (пожалуй, не утратившую своей актуальности): неприятие образа чужого объясняется только одним – незнанием нравов и природы

других народов. И у него нет сомнений, что необходимо знать в комплексе все, что касается природы народов. По его убеждению, осуждая пороки народа, необходимо помнить, что от него «выплеснулись в мир словесность, свободные искусства, добродетели, наука, философия, религии, вообще духовная культура»⁷. В зависимости от окружающей среды и традиций каждый народ признает какую-то высшую ценность. Согласно Бодену любой народ стремится сохранить свою государственность, но в соответствии с духовными ценностями, присущими ему (или группе народов) и определяющимися средой обитания⁸. С его точки зрения, жители умеренных стран опираются в своей организации общества на законы и судебные постановления.

Тезис относительно имманентной связи природы народа и развитием его государственности, выдвинутый в «Метод», получил развитие уже в главном политическом сочинении Бодена – трактате «О государстве». Если в «Метод» он анализировал связь между природной средой и природой народов, под которой в этом сочинении он понимал по преимуществу образ жизни, нравы и типологические нравственные черты отдельных этносов, из которых выводил, скажем, склонность к жестокости или интеллектуальным занятиям, то в трактате «О Государстве» сам характер сочинения потребовал рассмотрения соотношения природы народа и государственности. Неслучайно он обращается к этой проблеме в четвертой книге своего труда, уже после того, как рассмотрел типологические черты государства, которые не зависят от опыта и истории отдельных народов.

Обращение к анализу природы народов он связывал непосредственно с частными моментами, особенностями развития государств того или другого этноса, то есть с тем, что, по его выражению, «может оказаться особенным, чтобы выявить различия между народами, а в итоге показать, что форма их общественной организации приспособляется к природе среды, а человеческие законы – к естественным»⁹. Ученый полагал, что насильственное преобразование как географической среды, так и природы народа, может оказаться катастрофическим для государств, чьи правители прибегают к подобным мерам: «Многие государи... принуждая повиноваться своим собственным законам природу, приносили беспорядок и даже гибель великим государствам»¹⁰. Причину этого он усматривает в том, что невозможно унифицировать управление и даже законы, поскольку «если уж животный мир богат и разнообразен именно из-за разнообразия географических областей», то «существует подобное же разнообразие и в природе людей»¹¹.

Народы могут отличаться друг от друга и по месту обитания (на севере или востоке), климату, широте и долготе, по характеру рельефа местности, близости моря и естественно, что их

государственность и управление согласно Бодену столь же разнообразны, а это определяет их стремление к характеру политической организации общества. Для теоретика это имеет особое значение, поскольку именно политическая организация общества определяет наличие цивилизации у отдельных народов и развитие интеллекта, что и выделяет человека в окружающем мире и отличает от животных: «Чем менее люди склонны к размышлениям, тем больше они приближаются к хищной природе зверей. Ведь они не в силах руководствоваться разумом или же хоть как-то ограничивать себя, едва ли немногим больше, чем могут звери»¹².

Боден полагал, что расхождение может наблюдаться даже внутри стен одного города, а это определяет и социальные убеждения обитателей, и их политический выбор. По его глубокому убеждению, «города, построенные на холмистой местности, более подвержены раздорам и революциям, чем те, которые расположены на ровной плоскости»¹³. Именно тем, что Рим исторически развивался на холмистой местности, он объяснял многочисленные социальные и политические конфликты республики. Более того, причину разницы между местонахождением различных кварталов Афин он видел в одновременном стремлении граждан установить демократию, аристократическое правление и даже олигархию. Это мнение Боден сохранял и в отношении современности. Так, он считал Швейцарию крайне неоднородной и утверждал, что к демократии склонны кантоны, находящиеся в Альпах (объявляя их жителей не только более воинственными, но и надменными). Люди, живущие на равнине, по его убеждению, склонны к аристократической республике.

Даже небольшие расстояния уже определяют различие в наклонностях граждан, а потому «по своей природе венецианец склонен к аристократии, а флорентиец – к демократическому государству»¹⁴. Этими оценками он не ограничивается, настаивая на том, что подобная склонность к республике объясняется и природными чертами. Так, афинян он объявляет желчными и милосердными одновременно и приверженными к угодничеству. Народы, которые обитают к западу, объявлены коварными и склонными к мятежам, а к востоку – более хвастливыми и чванливыми. Боден противопоставил римлян карфагенянам, опираясь на историю, писавшуюся победителями: а потому карфагеняне – жестоки, мстительны, уступчивы по отношению к вышестоящим, но надменны по отношению к подданным, трусливы в момент бедствия и высокомерны во время победы. Но римский народ, напротив, был терпелив при своих потерях, постоянен в победе, скромнен в страстях, ставил на место льстецов, получал удовольствие от людей строгих и суровых.

Антитеза проводится также между Римом и Афинами, и Боден ставит выше нравы Рима, по-

читавшего величие народа. Подобные сравнения он приводит как основу для политических рекомендаций и в его представлении умный правитель обязан понимать природу и нравы своего народа и учитывать эти отработанные столетиями качества, прежде чем отважиться на какие-либо изменения в управлении или законодательстве. Он «должен подражать хорошему архитектору, который использует при строительстве материалы, которые доступны в данной местности»¹⁵. Одной из важнейших основ государства мыслитель считал «соответствие его образа правления природе народа, а законов и ординасов – природе мест, времени и личностей»¹⁶. Это означает, что не только форма государства, но и характер правления могут «различаться в соответствии с различиями их территории». Боден не просто повторил схему расселения людей и свойства природы народов, изложенные в «Метод».

Он оценивал исторический опыт народов, полагая, что наиболее перспективными являются судьбы народов, сочетающих природные свойства северных и южных народов, то есть тех, кто живет в срединных, умеренных местностях. А этим свойствам соответствует и политическое развитие. Гармония обеспечивает то, что именно обитатели умеренных областей «основали все великие империи, которые равно процветали и в военном деле, и в законодательстве». Если северные народы обычно велики в военных делах, то «окультурные науки, философия, математика и другое чистое знание приходили от народов юга»¹⁷. Но все то, что связано с политической организацией и законодательством, по его мнению, обязано происхождением «срединным» народам; согласно ему «политическая наука, законы, юриспруденция, риторика и логика берут свое начало и происходили от народов срединных областей»¹⁸.

К чему клонит Боден, становится ясно при анализе его примеров – он мыслит как европеец и француз. Так, говоря о судьбах арабов, он подчеркнул, что, несмотря на свои успехи, хотя они и «завоевали на время империи Персии, Сирии, Египта и Берберии и подчинили себе большую часть Испании, они никогда не смогли покорить Грецию или Италию, а когда они попытались покорить Францию, то были побеждены»¹⁹. Речь, конечно, идет о сражении при Пуатье 732 г., когда Карл Мартелл остановил натиск арабов на Европу, но из этого Боден делает очень важный вывод: именно таким народом предопределена великая судьба. Их предназначение он усматривает в том, что они «в большей мере подходят для того, чтобы властвовать, и они более справедливы в своих поступках»²⁰. Кроме того, природа этих народов такова, что они физически крепче по сравнению с народами юга, и «наделены большим умом, но меньшей силой, чем обитатели севера»²¹.

К этим рассуждениям можно добавить еще одно: Боден подчеркивал, что римляне «распро-

странили свою власть над народами юга и востока, но не имели особого успеха в отношении народов запада и севера, хотя и являлись победителями всех других народов»²². Первое издание трактата «О государстве» вышло в 1576 г., Като-Камбрезийский мир подвел итоги Итальянских войн и был заключен в 1559 г. У современного Бодену поколения французов, как и самого Бодена, были еще свежи воспоминания о грандиозных планах французских королей подчинить Италию, но, несмотря на печальные итоги этой полувековой эпопеи, Боден, по сути, говорит об особом предназначении своих соотечественников, их праве повелевать. Он не мог не знать, что римляне покорили Галлию, но предпочитает умалчивать об этом, тем самым пытаясь поднять дух французов, напоминая им о высоком предназначении. Любопытно, что Боден достаточно неоднозначно оценивал опыт прошлого. Он полагал, что варварство и мощь северных народов могут сломить даже правильно организованные государства. По этой причине пала Римская империя, когда «алеманны, затем готы, остготы, вандалы, франки, бургунды, герулы, венгры, гепиды, лангобарды, а впоследствии норманны, татары и турки и другие скифские народы наводнили провинции, которые некогда принадлежали римлянам»²³. Ведущую роль в этом варварстве он отдавал германским народам. Возможно, за этим также кроется его неприятие концепции Отмана о роли германского начала в истории Франции в связи со свободолобием германских народов (франков). Боден определяет в качестве нравственной основы германцев не свободолобие, как тираноборцы²⁴, а варварство и грубую силу. Он высказывает негативную оценку и в адрес традиционных врагов – англичан, подчеркивая не только конечные итоги Столетней войны, но и их неудачи в деле покорения Шотландии. По его мнению, «хотя англичане и одержали значительные победы над французами и завоевали королевство, которое для них являлось южным, но и за девятьсот лет они не смогли изгнать с острова шотландцев, хотя каждому известно, насколько количественно превосходят французы англичан, а англичане – шотландцев», то есть масса населения не всегда доставляет победу. А природа народов севера делает их агрессивными завоевателями, «народами воинственными, неистовыми, бесстыдными и безжалостными»²⁵. Боден добавляет, что германцы еще и пьяницы, и в этом сходится с оппонентами Отмана, употреблявшими этот довод в завязавшейся вокруг «Франкогаллии» полемике как раз в момент, когда трактат Бодена готовился к выходу в свет²⁶.

Однако ученый подчеркивает особый статус галлов, которые в его представлении находятся в лучшем положении, чем другие народы, населяющие умеренные, то есть наиболее сбалансированные географические области, так как это предоставляло им ряд преимуществ, в том чис-

ле и по сравнению с другими народами, также живущими в умеренном географическом поясе. Благодаря среде обитания возникают особые приоритетные свойства и, прежде всего, в отношении организации управления и совета. Боден отмечает, что «на всех заседаниях и собраниях, созывавшихся послами, всегда французы оказывались первыми в совете»²⁷. В международных переговорах они обычно уступали испанцам из-за их хитрости и коварства, несмотря на то, что испанцы также проживают в умеренном и гармоничном срединном климате. Вместе с тем он отмечает как наиболее типичные черты французов их нетерпеливость: французы «по своей природе не могут остановиться, чтобы поразмыслить и сидеть мирно, поскольку они – холерики, а это делает их более активными, быстрыми и проворными»²⁸. Боден отдает должное уже сложившейся традиции превознесения особой предначертанности французов в силу природы народа. Французы в его понимании наделены благородными свойствами, и сама природа народа определяет его предназначение в Европе: спор о главенстве в Европе еще не завершен, но исход его согласно Бодену неизбежен, так как «галлы имеют природу любезную, быструю и кроткую; об этом писал и веронец Скалигер, что нет такого народа, у которого был бы дух более живой, чтобы совершать все, что только пожелал бы француз, будь-то по закону, в писаниях или на торговле, но превшее всего они имеют сердце храброе и честное, и хранят свою честь более последовательно, чем все остальные»²⁹.

Последнее, собственно, перекликается с представлениями идейных противников-тираноборцев Бодена, однако он пишет только о галлах, тем самым отвергая синтезную теорию Отмана о происхождении французов вследствие слияния галлов и франков в единый народ. Германцы для него – олицетворение варварства. «Коварство и непостоянство более велико у народов Севера», к которым он относил германцев. Гармоническое же соотношение природы французов и испанцев он обнаруживает у итальянцев, нравы которых настолько умеренны, насколько это возможно, и они наделены как веселостью и быстротой французов, так и умеренностью в страстях и действиях, как испанцы.

Эта оценка итальянцев удивительна сама по себе, поскольку политические теоретики всех лагерей эпохи (а в особенности гугеноты) про-являли максимальный антиитальянизм. Но зато они вполне солидарен со своими современниками в оценках Макиавелли даже по этому поводу, усиливая аналогичный тезис в «Метод»: «Макиавелли ошибается, утверждая, что самые скверные люди на свете – это испанцы, итальянцы и французы, так как никогда не читал хороших книг и не общался с другими народами»³⁰. В чем именно Макиавелли ошибался, остается невыясненным, но при этом Боден подчеркивал

различия в выборе инструментария правления, исходя из конечной цели режима: «В управлении своими государствами каждый правитель из этих трех [групп] народов пользуется тем средством, благодаря которому достигает наибольшего повиновения, северные народы используют силу, народы, живущие посредине – правосудие, а южане – религию»³¹. В принципе его отношение к народам, живущим в умеренной зоне, наиболее благосклонно, поскольку он полагал, что они по этой причине не только «более разумны и менее сильны», но главное «обретали спасение в разуме, судьях, судопроизводстве». Именно с этим регионами Боден связывает основы государственности и правосудие, ибо «законы и формы правосудия брали свое начало у народов, живших в более умеренных регионах, таких как Малая Азия, Греция, Италия, Франция»³². И эта склонность привела к приоритету интеллектуального труда (не религии): «Почти все великие ораторы, законодатели, юрисконсульты, поэты, историки, актеры происходили из умеренных областей»³³. Это не просто прославление природы народов, но и назидание правителям.

С точки зрения Бодена, природу народов необходимо учитывать при учреждении институциональных органов и характера управления, а также и законодательства, и правосудия. Нарушение этого может привести к трагическим последствиям; «любой, кто пожелает управлять таким (южным. – И. Э.) народом с помощью законов и обычаев, соблюдающихся в Турции, Греции, Италии, Франции и других стран умеренной зоны, скоро разрушит свое государство»³⁴. Не менее опасной он считал попытку перенести порядки и законы народов умеренной области в страны другой территориальной зоны. Это, как минимум, ведет к неудаче, и «тот, кто попытается приучить северные народы к судопроизводству Франции и Италии, вскоре обнаружит, что его попытка потерпела поражение, как это произошло с Матяшем, королем Венгрии»³⁵.

Данная тенденция приводит автора к очень любопытным выводам, по сути, речь идет о превосходстве народов умеренной зоны над всеми остальными и только они, с точки зрения Бодена, пригодны для управления: «Народы, живущие в умеренном климате более пригодны, чтобы управлять в государстве, поскольку наделены природным благоразумием»³⁶. Именно это качество характерно для тех, кто властвует над другими. Отсюда и предназначение этих народов: «Народам срединных областей подобает торговать, заключать сделки, вершить суд, произносить речи, повелевать, создавать государства и давать законы и установления для других народов»³⁷. Слово произнесено, именно народы умеренной зоны, то есть по преимуществу народы Западной Европы и годятся для управления другими народами и суда над ними. Возможно, это парафраз известной мысли Вергилия, кото-

рая относилась только к Риму («Римлянин! Ты научись народами править державно – В этом искусство твое! – налагать условия мира, милость покорным являть и смирять войною надменных»³⁸), но Боден объясняет свою позицию тем, что народы Юга и Севера по своей природе «к этому непригодны»³⁹. И тем не менее разум, которым наделен народ, может ему даже мешать в правильной организации государства: «Когда флорентийцы пытаются предпринять коллективное действие, они разрушают все, в то время как венецианцы в совете ведут дела чрезвычайно умело и это делали на протяжении последних двухсот лет»⁴⁰. Именно изощренный ум флорентийцев (несомненно, опять-таки влияние других мыслителей эпохи) приводит к политическим несчастьям: «Поскольку каждый считает себя способным повелевать остальными, они предпочитают демократическую форму правления. Но они не могут сохранять ее без непрестанных споров и гражданских раздоров»⁴¹. Даже природа местностей, близлежащих друг к другу, может определять различия не столько в форме государства, сколько в сохранении политической стабильности. Он сравнивает Афины и Фивы и отмечает, что хотя между ними лежит расстояние всего в 20 лье, тем не менее «одни полностью обратились к литературе и наукам, а другие к оружию, и это несмотря на то, что в обоих городах существовала демократическая республика»⁴². Самое интересное здесь – это указание на то, что, несмотря на черты схожести и соответственно предпочтение демократического государства, афиняне не смогли достичь стабильности политической жизни; «в Фивах не было мятежей, а афиняне очень часто пребывали в раздорах и распрях в своем государстве»⁴³.

Аналогично он оценивает и другую пару (Венецию и Флоренцию), поскольку при республиканском устройстве венецианцы более ловко использовали политические механизмы управления, а в итоге «предводители группировок мудро сохраняли свое демократическое государство, чего флорентийцы и генуэзцы при всей мощи своего разума не могли сделать»⁴⁴. Разумеется, здесь Боден противоречил сам себе, поскольку в своих же сочинениях он характеризовал Венецианскую республику как аристократическое государство, но здесь он проводит некую аналогию, выявляя влияние природы народа на государственность.

Нелюбовь Бодена к демократии преломилась в его оценках северных народов. Они по сути являются опровержением сочинений тираноборцев, в частности «Франкогаллии». Апология Отмана германского свободолюбия опровергается рассуждениями Бодена и, несомненно, это отчетливее всего прослеживается по отношению к тезису Отмана о выборности монархии во Франции. Согласно Бодену только «северные племена или те, которые обитают в гористых областях, всегда надменны и воинственны... опи-

раясь на свои физические силы, предпочитают демократическую форму государства или, по крайней мере, выборную монархию и не станут выносить то, чтобы ими управляли люди, бросающие им вызов»⁴⁵. Ход его рассуждений опровергает идею о наличии электоральной монархии во Франции; она существует лишь у народов Севера в силу их природы: «Все их короли – выборные и они изгоняют их в тот самый миг, когда они превращаются в тиранов, так было со всеми избранными королями Швеции, Дании, Норвегии, Польши, Чехии и Татарии»⁴⁶.

Естественно, что осуждаются попытки заставить эти народы принять другие обычаи: они «любят свободу народа и не стерпят диктатуру» и Боден доказывает ошибочность борьбы Священной Римской империи с жителями швейцарских кантонов: «Сильно ошибались те, кто желал преобразовать демократические государства швейцарцев, гризонов (обитатели кантона Швейцарии Граубюнден. – И. Э.) и других горных народов в монархию»⁴⁷. Ведь хотя «монархия и является наилучшей формой правления, они – неподходящие подданные для такой формы государства»⁴⁸. Этот момент очень важен, ведь Боден здесь ставит политическую стабильность выше своего идеала государства, природа народов, таким образом, превращается в важнейшую характеристику при выборе политической организации.

Тем не менее природные склонности людей определяются многими географическими и климатическими факторами, причем некоторые из них могут оказывать влияние на трансформацию природы народов. Все же Боден не считает эти свойства неизменными, «дисциплина может изменить природные склонности людей»⁴⁹. Он полагал, что природу народов может менять даже особое положение отдельных областей, а потому «те, кто проживает в Тоскане, к примеру, имеют совершенно иной нрав, чем обитатели Ломбардии и они гораздо более умны»⁵⁰. Ученый приходит к важному выводу, согласно которому природа народов, хотя и достаточно стабильна, может все-таки меняться под влиянием изменений условий их существования, но только по истечении длительного времени. И пример он приводит неожиданный – соседней Германии: «Во времена Тацита ее обитатели не ведали ни законов, ни религии, ни наук, ни каких-либо иных форм, привычных для государства, ныне же они никому не уступят во всех этих достижениях»⁵¹.

Изменения благодаря условиям бытия народов могут способствовать их деградации, примером чего являются римляне, утратившие величие и доблесть своих предков. Короче, сама природа народов может изменяться под влиянием нескольких факторов; условия бытия, законы и обычаи «наделены могуществом изменять естественные расположение народа»⁵². Еще более важным в условиях гражданских войн является

тезис Бодена о нравственных характеристиках народов. Он полагал, что если народы «находятся в постоянной войне, то она делает людей варварами, мятежными и жестокими; в то время как мир делает людей мягкими, куртуазными и уступчивыми»⁵³.

Склонность обитателей срединной зоны к умеренности и компромиссам, на взгляд Бодена, определяет их приверженность к устоявшимся формам и традициям, а значит, способствует консервации государства: «Те люди, которые обитают в срединных областях, придерживаются добродетели, находя середину между упрямством и легкомыслием и не настолько упорны в своем мнении, которое меняют не часто, как и форму государства»⁵⁴. Таким образом, стабильность (и, следовательно, продолжительность существования) государств зависит от природы народа и одновременно нравственных качеств отдельных его представителей.

Таким образом, делает вывод Боден, для политических теоретиков и деятелей принципиально важно изучать природные наклонности людей и природу народов, поскольку это способствует не только пониманию закономерностей развития государственности у отдельных народов, но еще и потому, что знание природы и обычаев различных народов предоставляет возможность правильного общения людей, ведения переговоров, использования *jus gentium*, ведь все это «имеет значительные последствия для становления государств, их законов и обычаев, чтобы знать каким образом следует договариваться с теми или с другими или капитулировать перед ними»⁵⁵.

Климатическая теория Бодена оказала существенное влияние на его исторические и политические воззрения. Гуманист полагал необходимым условием для политической деятельности правильного понимания природы народов, обусловленной географической средой и климатом. Это считалось необходимым как для предотвращения ошибок в управлении, так и в международных делах. Кроме того, для гуманиста значение природы народов оказывалось необходимым при решении вопросов, связанных с изменениями законов и правосудия, пониманием образа «чужого» и национальной идентичности. При этом крайне существенно, что в решении этих проблем Боден также последовательно проводил линию опровержения идей своих политических противников – тираноборцев. Его политическая теория применительно к политическому опыту развития отдельных народов тесно связана с его представлениями о природе народов.

Примечания

- ¹ *Touley M. Bodin and Medieval Theory of Climate // Speculum. Vol. 28. № 1. 1953. P. 64–83.*
- ² *Боден Ж. Метод легкого чтения истории. М. : Изд-во высшей школы экономики, 2018. С. 304.*

- ³ *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь / пер. М. А. Юсима. М. : РОССПЭН, 2002. С. 345.
- ⁴ *Conzinet M. D.* Fonction de la Geographie dans la connoissance historique : le modele cosmographique de l'histoire universelle chez F. Baudoin et J. Bodin // *Corpus*. 1995. № 28. P. 133–145.
- ⁵ *Боден Ж.* Метод легкого чтения истории... С. 316.
- ⁶ См.: *Макиавелли Н.* Указ. соч. С. 346.
- ⁷ *Боден Ж.* Метод легкого чтения истории... С. 316.
- ⁸ *Governing the Environment in the Early Modern World : Theory and Practice* / ed. S. Miglietti, J. L. Morgan. 2017. P. 38–56.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ *Bodin J.* De la Republique les six livres. Lyon, 1580. P. 461.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Ibid. P. 473.
- ¹⁴ Ibid. P. 462.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Ibid. P. 463.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid. P. 467.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid.
- ²² Ibid.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Ibid. P. 468.
- ²⁵ *Отман Ф.* Франкогаллия / пер. И. Я. Эльфонд. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. Гл. V–VII и др.
- ²⁶ *Bodin J.* Op. cit. P. 468.
- ²⁷ *Hotman F.* Strigilis Papirii Massoni, sive Remediale Charitativum Contra Radiosam Frenesim Papirii Massoni Iesuitae escullati : per Mathagonidem de Mathagonibus baccalaurem formatum in jure canonico et in medicinae si voluisset. S.L., 1578. P. 30.
- ²⁸ *Bodin J.* Op. cit. P. 471.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Ibid. P. 586.
- ³¹ Ibid. P. 477.
- ³² Ibid.
- ³³ Ibid. P. 478.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid. P. 479.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ Ibid. P. 480.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ *Вергилий.* Энеида / пер. С. Ошерова. Кн. 6. М. : Художественная литература, 1979. С. 851–853.
- ⁴⁰ *Bodin J.* Op. cit. P. 480.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² Ibid.
- ⁴³ Ibid. P. 482–483.
- ⁴⁴ Ibid. P. 483.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Ibid. P. 482.
- ⁵¹ Ibid.
- ⁵² Ibid. P. 485.
- ⁵³ Ibid. P. 486.
- ⁵⁴ Ibid. P. 485.
- ⁵⁴ Ibid. P. 486.
- ⁵⁵ Ibid. P. 487.

Образец для цитирования:

Эльфонд И. Я. Географическая среда, nature de peuple и государственность в политической теории Ж. Бодена // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 480–486. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-480-486>

Cite this article as:

Elfond I. Ya. Geographical Environment, Nature de People and Nation-building in Bodin's Political Theory. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser: History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 480–486 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-480-486>